

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Е. Н. Суворкина
г. Рязань, Россия

КОЛЫБЕЛЬ: КУЛЬТУРОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРВОГО ВНЕУТРОБНОГО ЛОКУСА

Аннотация: В статье рассматривается колыбель как элемент культуры детства славянских народов. Общим мотивом для совокупности ее различных обозначений (зыбка, колыбка, колыска, люлька, калубель и пр.) является идея движения, укачивания, которое может выражаться в вертикальных и горизонтальных колебаниях. При этом для люльки задавалась именно координата серединности, центральности домового пространства (определялась по отношению верх-низ, а не поперечных границ домового пространства). Данная позиция, как и в целом все действия, связанные с колыбелью, содержит глубокий сакральный смысл: пожелание быстрого роста ребенку. Имели место видовые особенности первого внеутробного локуса младенца — классификации по конструкции, форме, материалу и технике изготовления. Наибольшую популярность приобрела следующая конструкция: колыбель крепилась к оцепу — длинной и гибкой жерди, которая проходила через кольцо на матице одним концом, а другим — упиралась в стену или врубалась в нее. Отдельные моменты устройства зафиксированы в фольклорных образцах, некоторые из которых трансформировались в настоящее время в форму фонетической зауми, что показано на одном из примеров, сообщенном информатором (Рязанская область, с. Сотницыно).

Ключевые слова: колыбель, люлька, зыбка, ребенок, детство, укачивание, культура повседневности.

Информация об авторе: Елена Николаевна Суворкина — кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации Научной библиотеки, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 390000 г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. E-mail: suvorkina@list.ru

Дата поступления статьи: 22.05.2017

Дата публикации: 15.12.2017

Колыбель — первое внеутробное место постоянного пребывания ребенка в начальные годы жизни. Здесь он мог находиться до того, как встанет на ножки; до трех лет или до момента появления следующего младенца в семье.

У восточнославянских народов можно обнаружить следующие вариации обозначения колыбели: зыбка, люлька, калубель, кальбель, колыбка, колыска и пр. [4, с. 559]. Объединяющим элементом данных номинаций служит идея укачивания, движения.

Согласно этимологическим сведениям М. Фасмера, слово «колыбель» является производным от «колыбать» — качать, укачивать; кроме того, обнаруживается связь со словами «колебать», «колыхать» [5, с. 299].

С практической точки зрения, ребенок в процессе укачивания действительно быстрее успокаивается и засыпает. Существует мнение, что такая зависимость обусловлена подсознательной «памятью» ребенка о его внутриутробном нахождении, которое связано с безопасностью и комфортом. Это сопряжено также с движением, колебанием, которое испытывает плод, находясь в утробе матери при ее перемещении. Но идея, опредмеченная в колыбели, имеет более глубокий сакральный смысл.

Качание — это закодированное пожелание быстрого роста ребенку. В сельскохозяйственной магии также присутствует этот мотив, в связи с чем при посеве, например, льна придерживались следующих правил: во-первых, сажать на Олёну / Алёну [3 июня (21 мая)] или, напротив, исключить посадочные работы в этот день [3, с. 271–276]; во-вторых, препроводить посев сакральными действиями, одно из которых — раскачивание на качелях: чем выше, тем длиннее лен.

Качание колыбели, как правило, осуществлялось из стороны в сторону (горизонтальные колебания). Не было исключением и движение «верх-низ» (вертикальные колебания). При этом качать пустую люльку запрещено. Следует добавить, что табу также накладывалось и на ряд действий, связанных с изготовлением, переносом (транспортировкой) и одалживанием зыбки.

Кроме положения ребенка в колыбели в определенный момент качания, большое значение имела его стационарная позиция в состоянии покоя. В большинстве случаев колыбель (*подвесная колыбель*) (*первый вид классификации колыбелей по конструкции*) у славянских народов располагалась у такой границы домового пространства, как «верх» (потолочная балка — матица), что было обусловлено рядом условий: у данной точки она крепилась, а, следовательно, сам ребенок в колыбели, принимая во внимание ее конструктивную специфику, находился *в центре* дома.

Следует отметить, что по вопросу соотношения «верха» и «центра» в современной этнографической литературе можно обнаружить несколько иную точку зрения. Так, А. Баранов указывает на общую серединность конструкции, поскольку очап/очеп с колыбелью крепился к матице, которая являлась центром избы [1, с. 158].

Несмотря на некоторую вариативность подходов, определяющее значение имеет именно центральное положение самой колыбели и ребенка.

Эта координата приемлема не только для внутрименового пространства. При проведении различных сельскохозяйственных работ мать могла брать с собой в поле колыбель с ребенком (*переносная колыбель*) (*второй вид классификации колыбелей по конструкции*), но она не оставляла ее на земле (концепция низа). Некоторые славянские народы прибегали к различным способам достижения координаты серединности: колыбель могли вешать на ближайшее дерево или крепить к центру пересечения трех поставленных шестов, которые образуют подобие граней пирамиды. С практической точки зрения, в холодный весенний период это обуславливалось мерами предосторожности — не допустить переохлаждения от непрогретой земли. Кроме того, таким образом уменьшалась вероятность того, что ребенок будет схвачен и съеден дикими животными.

Но стремление минимизировать контакт с «низом» имеет главным образом сакральный смысл. «Низ» — место обитания злых духов, способных причинить вред ребенку. Новорожденный (как и роженица) — самое незащищенное человеческое существо, которое нуждается в высшей степени защиты. Это обуславливает целый комплекс охранительных мер. Так, колыбель было принято закрывать пологом от темных сил, дурного глаза (в ряде случаев материалом выступала вышедшая из употребления одеж-

да матери, что обеспечивало дополнительную степень магической защиты; в богатых семьях колыбель украшали кружевом). С другой стороны, это защита от света, различных насекомых в весенне-летний период (санитарные нормы). В саму колыбель клали различные вещи-обереги. В условиях сохранившегося двоеверия вместе с крестиком подкладывали, например, пшеничное зерно, гребень и пр.

В ряде случаев на одной из внешних сторон колыбели вырезали крест. Как правило, изображение располагалось на ее узкой части — там, где должны были находиться ноги ребенка. Здесь интересно провести параллель с традицией ставить крест в ногах усопшего на его могиле. В обоих случаях мы наблюдаем расположение креста у изножья. Во многом это объясняется тем, что сон и смерть — практически однопорядковые явления в сознании русского человека. Данный феномен тождества прослеживается и в колыбельных песнях.

Пример такой резьбы-оберега выявлен автором в пос. Кабардинка Краснодарского края (Дом Кавказа) и представлен на рисунке 1.

Рисунок 1 — Колыбель. XIX в. Фото автора
Figure 1 — Cradle. XIX c. Photo of the author

Изображенная колыбель относится к XIX в. (на одной стороне имеется датировка «1882»; возможно, это дата рождения ребенка или одного из детей, если учитывать, что колыбель переходила от старшего к младшему, а также в ряде случаев из поколения в поколение) (рисунок 2).

Рисунок 2 — Колыбель (фрагмент). XIX в. Фото автора
Figure 2 — Cradle (fragment). XIX c. Photo of the author

Конструкция самой колыбели (подвесной вид) несколько отличается от традиционной, поскольку она представляет собой элемент материальной культуры южно-русской территории — Кавказа. Сделана она из тесаного (*тесанная колыбель*) (*первый вид классификации колыбелей по технике изготовления*) дерева (*деревянная колыбель*) (*первый вид классификации колыбелей по материалу*) в виде «корыта» (*прямоугольная колыбель*) (*первый вид классификации колыбелей по форме*) на дугах, крепилась к потолочной балке (матице) и именовалась как «колыска».

В с. Сотницыно Сасовского р-на Рязанской обл., граничащего с Мордовией, зафиксировано автором употребление двух обозначений колыбели — «зыбка» («цыбка» (чередование з/ц) и «колыбка», что отражено в следующей припевке:

Цыбку-колыбку,
Пошла мать по рыбку,
А дедушка — по воду,
Отморозил бороду.

Интересно отметить, что данный факт был установлен в процессе непосредственного общения с информатором¹, который первую строчку «Цыбку-колыбку...» воспринимал как некую фонетическую заумь, не вычлняя в ней самостоятельные лингвистические единицы.

Информатор, кроме того, представил ценные сведения касательно устройства колыбели, в процессе качания которой пелась вышеприведенная припевка.

¹ Информатор — Грушина Зинаида Васильевна (р. 1940, с. Сотницыно, Сасовский р-н, Рязанской обл.).

Колыбель представляла собой конструкцию из четырех круглых длинных палочек, соединенных в рамку и прикрепленных к прочной материи, из которой шилось подобие мешка (*полотняная колыбель*) (*второй вид классификации колыбелей по материалу*). В углы пересечения палочек вбивались кольца, в которые продевались ремни; один конец закреплялся. Свободные концы соединялись в пятом, центральном, кольце, за которое посредством крюка колыбель крепилась к кольцу, вбитому в потолочную балку. В люльку клался тюфячок, набитый сеном. К ее низу крепился ремень — от одной стороны к другой для того, чтобы мать могла качать колыбель ногой в процессе работы, например, за прялкой.

Следует отметить, что данный вариант укачивания, а соответственно, конструкции вместе с тем был менее распространен, чем второй. Наибольшую популярность имело прикрепление колыбели к оцепу. То есть здесь обнаруживается и различие в системе координат, задающих движение ребенку: в первом случае — «низ», во втором — «верх». Кроме того, как было сказано ранее, различен и характер движения: в первом варианте — горизонтальное, во втором — вертикальное.

Образец такой колыбели (XIX в.) хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике. Она представляет собой *овальную* (*второй вид классификации колыбелей по форме*) лубяную (*третий вид классификации колыбелей по материалу изготовления*) плетеную (*второй вид классификации колыбелей по технике изготовления*) конструкцию.

Приведем еще один пример горизонтального укачивания в колыбели, которая не имела центральных координат домашнего пространства. В г. Спас-Клепики Клепиковского р-на Рязанской обл. была распространена открытая модель колыбели, для которой характерно приземное расположение (*напольный вид*) (*третий вид классификации колыбелей по конструкции*) (рисунок 3).

Рисунок 3 — Колыбель. XIX в. Фото автора
Figure 3 — Cradle. XIX c. Photo of the author

Конструкция обладала двухуровневым характером: первый — подобие подклети без боковин [4 опоры, соединенные между собой (2 прямые длинные жерди и 2 дугообразные короткие жерди, обеспечивающие движение)]; второй — верхний ярус подклети с боковинами. Изготавливалась из лозы (*лозовая колыбель*) (*четвертый вид классификации колыбелей по материалу изготовления*), поскольку по берегам р. Совка и Пра росло много ивы. Колыбель имела достаточно красивый вид, практичный характер и была общедоступной в вопросе приобретения, хотя в большей степени ее могли позволить себе зажиточные семьи купцов и торговцев. Образец такой колыбели представлен во Второклассной учительской школе г. Спас-Клепики, в которой учился поэт С. А. Есенин с 1909 по 1912 г. По данным О. Л. Аникиной, сотрудника Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, в представленном образце качали младенцев трех поколений.

Как можно видеть, данная модель значительно отличается от рассмотренных ранее. Колыбель не крепилась к потолочной балке (матице), не имела центрального места с сакральным характером. Чем можно объяснить этот факт? Известно, что для традиционной конструкции использовался очеп, который часто изготавливался из березы. Его не делали из сосны по той причине, что он ломался, а из ели плохо гнулся. В Клепиковском р-не, расположенном в центральной части Мещерской низменности, доминируют хвойные породы, смешанных и широколиственных лесов нет. Но вместе с тем, как указывалось выше, растут ивы, а соответственно, распространено лозоплетение. Таким образом, можно говорить о практической стороне решения поставленного вопроса. Интересно отметить, что в Архангельской обл. жителями было сделано аналогичное наблюдение в отношении свойств пород деревьев и их применимости для изготовления очепа [2, с. 138]. При этом давался совет использовать именно молодую березу, поскольку она больше гнется, лучше качает и не трясет колыбель.

Следовательно, иной характер древесных пород определил и модель конструкции. Однако, хотя колыбель не находится в центре домового пространства, она не была расположена на полу, что обеспечивалось ее двухуровневостью. Такая специфика обуславливалась, во-первых, стремлением предохранить ребенка от переохлаждения, во-вторых, обеспечить удобное укачивание для матери, в-третьих, оградить дитя от злых духов.

Можно резюмировать, что центральное положение колыбели, к которому так или иначе стремились родители ребенка, главным образом, определялось по отношению «верх-низ», но не поперечных границ домового пространства. Анализ этнографических данных показывает, что преимущественно люлька находилась ближе к одному из углов дома. Угол образуется путем пересечения двух сторон — стен дома, двух границ домового пространства, которые в совокупности с полом и потолком представляют второй после колыбели по масштабу локус младенца в семантическом поле «свое». Оно противопоставлено «чужому» и отделено от него порогом. В углах, как и внизу, концентрировалась отрицательная энергетика. В связи с этим им уделяется особое внимание как в отдельных религиях, так и в философских учениях.

Таким образом, колыбель, как обязательный атрибут культуры детства, имеет различное наименование и характер конструкции, что определялось рядом факторов — географическими, социально-экономическими, культурными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Баранов Д. А. Колыбель // Русские дети. Основы народной педагогики / Д. А. Баранов и др. СПб.: Искусство-СПБ, 2006. С. 156–159.

- 2 Науменко Г. М. Этнография детства. М.: Белый город: Воскресный день, 2013. 368 с.
- 3 Некрылова А. Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007. 768 с.
- 4 Толстая С. М. Колыбель // Славянские древности. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д-К (Крошки). С. 559–562.
- 5 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Азбука: ТЕРРА, 1996. Т. 2: Е-Муж. 672 с.

© 2017. Elena N. Suvorkina
Ryazan, Russia

CRADLE: CULTURAL-ETHNOGRAPHIC APPROACH TO RESEARCH OF THE FIRST EXTERNAL LOCUS

Abstract: The article discusses the cradle as part of the childhood culture of the Slavic peoples. The General motive for the totality of its various designations (*zybka*, *kolybka*, *kolyska*, *lyul'ka*, *kalub`el* (cradle, crib, rocker, cot, bassinet — something unsteady etc.) is the idea of movement, motion sickness, exhibited in vertical and horizontal oscillations. That said the bassinet was focused on being in the middle, and on the centrality of house space (determined by the ratio of top-bottom rather than lateral borders of house space). In this position, and in General all actions associated with the cradle contain a deep sacral meaning: wishes of quick growth to the baby. Specific features of the first extra-uterine baby locus could vary – classification structure, shape, material, and manufacturing technique. The following design used to be the most popular: the cradle was attached to “*otchep*” — long and flexible pole, which passed through the ring joist with one end while the other rested on the wall or was cut into it. The details of the device are recorded in the folklore patterns, some of which are by now transformed into some sort of phonetic sophistry or nonsense, as shown in one of the examples, reported by informant (Ryazan oblast, v. *Sotnitsyno*).

Keywords: cradle, *lulka*, *zybka*, child, childhood, motion sickness, culture of everyday life.

Information about author: Elena N. Suvorkina, PhD in Cultural Studies, Head of the Systematization Sector of the Scientific Library, Ryazan State University named for S. Yesenin, Svobody St., 46, 390000 Ryazan, Russia. E-mail: suvorkina@list.ru

Received: May 22, 2017

Date of publication: December 15, 2017

REFERENCES

- 1 Baranov D. A. *Kolybel'* [Cradle]. *Russkie deti. Osnovy narodnoi pedagogiki* [Russian children. Bases of national pedagogics], D. A. Baranov and other. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2006, pp. 156–159. (In Russian)
- 2 Naumenko G. M. *Etnografiia detstva* [Ethnography of childhood]. Moscow, Belyi gorod, Voskresnyi den' Publ., 2013. 368 p. (In Russian)

- 3 Nekrylova A. F. *Russkii traditsionnyi kalendar' na kazhdyi den' i dlia kazhdogo doma* [Russian traditional calendar for every day and for every home]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 768 p. (In Russian)
- 4 Tolstaia S. M. Kolybel' [Cradle]. *Slavianskie drevnosti* [Slavic antiquities]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, vol. 2: D-K (Kroshki), pp. 559–562. (In Russian)
- 5 Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Azbuka: TERRA Publ., 1996, vol. 2: E-Muzh. 672 p. (In Russian)